

ИСТОРИЯ КИТАЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XIX — ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX вв. КАК ПРЕПЯТСТВИЕ ДВУСТОРОННЕМУ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ДИАЛОГУ

Виталий Толстой

Значимость китайско-японских отношений для геополитической и региональной ситуации обусловила пристальный интерес к этой теме многих экспертов и политологов. Среди работ преобладает анализ политических, экономических, военных аспектов этой темы. Фактор исторического прошлого, влияющий на современное состояние китайско-японских отношений, остается в значительной степени второстепенным объектом исследования. Кроме того, в подавляющем большинстве работ проблема исторического прошлого рассматривается не комплексно. Многие японские авторы пишут об отдельных аспектах одной сложной проблемы. Например, Ёсимаса Ириэ [5] анализирует ситуацию вокруг японских учебников истории; Такаси Кавачи [7] поднимает вопрос о преступлениях японской императорской армии в Китае в 1933—1937 гг. в связи с появлением новых исторических документов; Соно Аяко [14] высказывается о культурно-религиозных причинах, побуждающих японцев посещать храм Ясукуни. В данной работе точки напряженности с исторической подоплекой в современных китайско-японских отношениях рассматриваются в комплексе. Известно, что национальная принадлежность того или иного автора зачастую сказывается на объективности работы. Среди японских и китайских авторов наблюдается широкий диапазон мнений — от националистических до миролюбивых. Примером умеренного, взвешенного подхода можно назвать точку зрения китайского автора Ма Личэн [9] и японского автора Сакамото Кадзуя [13]. В настоящей статье автор претендует на нейтральную позицию.

История отношений Китая и Японии в период с конца XIX в. по 1945 г. — это история войн и противостояний, в ходе которых Китай терял территории, терпел поражения и испытывал национальный позор. Так, например, одна из основных проблем современного Китая — территориальный (так называемый «Тайваньский вопрос») — восходит к событиям китайско-японской войны 1894—1895 гг., в результате которой остров Тайвань стал японской территорией. Народное антиимпериалистическое восстание ихэтуаней 1899—1901 гг. было подавлено коалицией иностранных держав, куда входила и Япония. На стыке XIX и XX вв. растерзанный и обобраный Китай подписал с империалистическими государствами протокол 1901 г. (известный как «пекинский протокол»),

которым закреплялись все территориальные отторжения от Китая, произошедшие в 1890-х гг., а также гарантировалось непредъявление дальнейших территориальных притязаний к Китаю. Но Япония, почувствовав силу после победоносной русско-японской войны, усилила политическое и экономическое давление на Китай с целью отторгнуть новые территории. В 1914 г. Япония захватила Шаньдунский полуостров (в то время — германская колония в Китае) под предлогом вступления в Первую мировую войну. В 1915 г. Япония выдвинула так называемое «21 требование», ставшее национальным унижением Китая, так как Япония фактически потребовала от Китая подчиниться своему влиянию. В 1932 г. Япония создала марионеточное государство на территории китайской Маньчжурии, а в 1937 г. развязала агрессию против Китая [2, с. 162]. После ухода Японии в 1945 г. из Китая там еще несколько лет шла гражданская война, отбрасывая страну все дальше от устремлений китайского военно-политического руководства к полноценному статусу страны-победительницы, подобно СССР, США и др. В это время Япония, получая помощь от США, уверенно становилась экономически развитой державой, а японский истеблишмент рассматривал КНР государством третьего мира.

Таким образом, Китай еще с конца XIX в. рассматривал Японию как главного обидчика и притеснителя, а также как помеху в реализации своих национальных интересов. В начале XXI в. ситуация существенно не изменилась. Получив от Японии огромные средства на развитие, Китай превратился в сильную региональную экономическую и военную державу. Однако Япония вновь стоит (хотя и за спиной США) на пути укрепления Китая. В этих условиях для политической элиты (обеих стран) по-прежнему актуален исторический фактор, который легко можно использовать для разжигания межнациональной розни (тем более, что и сторона оппонента дает для этого повод) и сплочения своей нации без приложения значительных организационных усилий. События лета 2004 г., когда футбольная сборная Китая уступила команде Японии (матч проходил в Пекине) и за этим последовали массовые антияпонские выступления во многих городах Китая, показали, что подсознательно китайские народные массы не перестают воспринимать японцев через призму исторических событий и малейшего повода достаточно для про-

Автор:

Толстой Виталий Петрович — доцент кафедры теории и практики перевода, заведующий отделением восточных языков Минского государственного лингвистического университета

Рецензенты:

Синица Вадим Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета
Ларионов Денис Геннадьевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом анализа политических проблем государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь

явления глубокой враждебности к японцам, их бизнесу в Китае. Проблема исторического прошлого является одной из сфер (вместе с геополитикой и экономикой) сосредоточения напряжения двусторонних китайско-японских отношений.

Представляется, что эту проблему следует разделить на три аспекта:

1) разногласия относительно трактовки исторических событий и, как следствие, проблема учебников истории;

2) негодование китайской стороны по поводу посещения официальными лицами высшего ранга Японии токийского храма Ясукуни (где канонизированы многие из японских военных преступников) и реакция японской стороны;

3) недовольство китайской стороны относительно форм извинений Японии за агрессию 1937–1945 гг.

Первый аспект в отличие от двух других не ограничивается событиями японской агрессии 1937–1945 гг. и поэтому заключается не только в расхождении в интерпретации исторических событий китайско-японских отношений, но и в значительном заряде взаимного недоброжелательства и негативизма. Эта тенденция существует как минимум с начала XX в. Так, Япония стала основным противником процесса реализации идеи большого и суверенного Китая с полноценной национальной самоидентификацией. Уже в первых учебниках по истории, напечатанных в Китайской Республике (образца 1912 г.), Япония определяется как враждебная страна. В 1915 г., а затем в 1919 г. Япония заявляет протесты китайским властям в связи с откровенной анти-японской направленностью образования в Китае. Бойкот японских товаров часто использовался в столице и крупных городах как форма антияпонского движения. В 1932–1933 гг. в Лиге Наций даже была создана комиссия для анализа ситуации, сложившейся в Маньчжурии, и обострившихся отношений между Китаем и Японией. Одной из тем, которые исследовала комиссия, стала проблема учебников. Комиссия признала, что в обеих странах существует тенденция негативной подачи материалов друг о друге [8, с. 40]. Японская агрессия 1937–1945 гг. еще более усугубила ситуацию. Китай обвинял Японию в замалчивании, злонамеренном искажении исторических фактов, сознательной подмене формулировок, понятий и терминов, имеющих отношение к описанию японской агрессии в Китае. Необходимо пояснить, что японские учебники истории издаются не государственным сектором, а семью–восемью частными издательствами. Единного учебника истории в Японии не существует. Министерство образования рекомендует школам (и вузам) перечень учебников истории, которые могут быть использованы в учебном процессе. Тексты для включения в учебники проходят экспертную оценку Министерства образования, работа которого постоянно подвергается жесткой критике со стороны различных общественных организаций — от Ассоциации японских учителей до ультраправых движений. Поскольку острая полемика разворачивается в открытой печати, в Китае также следят за ее ходом.

Первый случай дипломатического скандала между Китаем и Японией из-за японских учебников по истории произошел в 1982 г. [5, р. 35]. Это был год десятой годовщины установления китайско-японских дипломатических отношений; намечался визит в Китай японского премьера Судзюки Дзэнко. На фоне подготовки визита некоторые японские газеты и телевизионные каналы сообщили о распоряжении Министерства образования внести изменения в учебники истории для средней школы. В частности, было предложено заменить в текстах слово «вторжение» на «наступление» с соответствующими доработками. МИД КНР немедленно выступило с нотой протеста. Вскоре выяснилось, что никаких распоряжений не было — репортеры с непомерной фантазией сделали «сенсацию», и скандал был улажен.

В мае 1986 г. произошел инцидент, касающийся учебников для школы высшей ступени (10–12-е классы). Министерская экспертная комиссия по учебникам истории одобрила текст, написанный группой японских историков националистических взглядов. Вновь были заявлены протесты КНР, Южной Кореи и стран Юго-Восточной Азии. В конце концов, текст был напечатан, но после четырех пересмотров и доработок [5, р. 36].

Новый инцидент случился в 1997 г. [5, р. 37]. Ему предшествовали следующие события. Под неослабевающим давлением общественности и политической элиты КНР и Южной Кореи в Японии в 1991 г. было проведено расследование в структуре Министерства иностранных дел по вопросу о публичных домах японской императорской армии, куда насильно рекрутировали китайцев и корейцев. (В японской общественно-политической прессе используется эвфемизм *«jugun ianfu»*, что буквально означает «женщины для развлечения, сопровождающие армию».) В англоязычной прессе это называлось *«comfort women»*, что имело очень близкий смысл, но без упоминания о принадлежности к армии. Летом 1993 г. японское правительство распространило меморандум, в котором признало существование практики насильной вербовки женщин с оккупированных территорий Азии в публичные дома японской императорской армии и выступило с официальными извинениями. Относительно методов принуждения Коно Ехэй, в то время секретарь кабинета министров, заявил: «Корейский полуостров находился под японским управлением в те годы, и их рекрутирование осуществлялось обычно против их воли путем принуждения и уговоров» [12, р. 3]. Слово «обычно» и другие смягчения стали поводом для острой полемики между КНР и Японией и на дипломатическом уровне, и в общественно-политической прессе. Кроме того, в Японии развернулась не менее острая дискуссия по этому вопросу. Министерство образования Японии поддерживало идею освещения (в определенной степени) этой проблемы в школьных учебниках. Японская ассоциация учителей разделилась на два лагеря: нужно ли вообще говорить об этом в школе, и если да, то с какого возраста было бы уместно узнавать это школьникам.

Спустя несколько лет, в 1997 г. (скорее под дипломатическим давлением КНР, Южной Кореи и других стран Азии, чем в результате японской

общенациональной дискуссии), в Японии было принято решение о внесении дополнений в учебники истории для школы средней ступени (7–9-е классы). Это вызвало бурю негодования со стороны японских национал-патриотов. Профессор токийского университета Фудзикока Нобукацу высказал следующее мнение: «Эти учебники... ни в коем случае нельзя назвать учебниками, предназначенными для японцев. Косвенная агрессия иностранных государств, завидующих японскому благосостоянию, достигла и учебников национальной истории, которые должны формировать основу общих знаний народа об истории своей страны. Использовать государственные деньги на создание учебников, полных ненависти к своей стране, и навязывать их школьникам — чудовищный мазохизм» [11, р. 23].

В противоположность этому мнению профессор Нисио Кандзи отмечал, что «...существование ошибок и противоречий в новейшей истории Японии нужно признать. С другой стороны, больший акцент следует делать на послевоенный подъем Японии и колоссальную помощь странам третьего мира, прежде всего — Азии» [6, р. 308]. Иными словами, полемика внутри Японии по проблеме исторического прошлого в основном представлена двумя подходами: не признавать, будто ничего и не было, а если признавать (под влиянием других стран), то не акцентировать.

В Китае очень болезненно реагируют на прекращающиеся попытки некоторых японских политиков замалчивать или преуменьшать физический и моральный ущерб, нанесенный Китаю во время японской агрессии 1937–1945 гг.

Главным пунктом в длинном перечне преступлений японских милитаристов в Китае является резня в Нанкине в декабре 1937 г. Исследователи этого вопроса из США, Германии, КНР, Японии и других стран уже несколько десятилетий не оставляют попыток хотя бы приблизительно уточнить число жертв трагедии в Нанкине, что представляется крайне затруднительным из-за давности событий и хаоса военного времени. Так или иначе, в некоторых японских учебниках истории для школы средней ступени (7–9-е классы) указывается приблизительная цифра 200 000 погибших, взятая из документов Токийского трибунала. В то время как большая часть японских историков приводят значительно меньшие цифры, в КНР официально оценивают количество жертв в 300 000 (как зафиксировано в мемориале в память о жертвах резни в Нанкине. Некоторые китайские исследователи указывают гораздо большие цифры [3, р. 53].

Еще одной болезненной темой в китайско-японских отношениях является проблема посещения высокопоставленными японскими официальными лицами храма Ясукуни в Токио.

Синтоистский храм Ясукуни был построен в 1869 г. и до окончания Второй мировой войны, являясь главным синтоистским храмом страны и религиозно-идеологическим оплотом для пропаганды японского милитаризма, использовался для поминовения погибших в различных войнах граждан Японии (военнослужащих и гражданских) начиная с 1853 г. Имена жертв (приблизительно 2,4 млн) занесены в символические книги памяти.

После поражения Японии во Второй мировой войне (согласно принятой Конституции) религия синто перестала являться связанным с государством институтом. Храм Ясукуни превратился в частное религиозное заведение. Однако поскольку в Японии значительная часть населения исповедует религию синто (главным компонентом которой является поклонение духу предков), японцы по-прежнему приходили в храм Ясукуни для исполнения синтоистских обрядов. В 1979 г. высшие сановники храма канонизировали политических и военных деятелей императорской Японии, признанных виновными в военных преступлениях Токийским трибуналом (1946–1948 гг.) и военно-полевыми судами сил антияпонской коалиции (проходили с 1945 г. в течение нескольких лет). Это вызвало возмущение общественности КНР и других азиатских стран. Спустя несколько лет японская законодательная власть подготовила документ, в котором обосновывалось отсутствие противоречий японской Конституции официальных визитов высших должностных лиц в Ясукуни. 15 августа 1985 г. — в день 40-й годовщины окончания Второй мировой войны премьер-министр Ясухиро Накасонэ совершил первый за 40 лет официальный визит в Ясукуни [16]. Это событие было встречено в КНР, Корее и других странах с негодованием. Обоснованно возникли сомнения в искренности прежних заявлений японского руководства о покаянии за преступления прошлых поколений.

Общественность Японии также была взбуждена, и вновь полемика поляризовала страну. Под влиянием критики извне и внутри Японии премьер-министр Ясухиро Накасонэ был вынужден отменить практику официальных визитов в Ясукуни. Существует версия, что отказ от посещения храма был вызван опасением японского руководства поставить под удар генсека ЦК КПК Ху Яобана, на которого нажимала верхушка китайской армии, якобы стремившаяся к обострению отношений с Японией под предлогом возрождающегося японского милитаризма [13, р. 21].

Ситуация повторилась через 20 лет. С 2001 по сентябрь 2006 г. в Японии на должности премьера находился Дзюньитиро Коидзуми, который возобновил практику ежегодных официальных визитов в Ясукуни. Сторонники посещения храма выдвигают разнообразные доводы для оправдания. Например такой, что на военных преступников была возложена ответственность за войну и геноцид, они понесли суровое наказание — свыше 900 человек были казнены, поэтому их души теперь заслуживают покоя и поминовения. Другие считают, что посещение храма 15 августа — это дань памяти невинных жертв — мирного населения и военных, не имевших отношения к виновникам развязывания войны. Распространено также мнение, что раз уж Коидзуми настроен посещать храм Ясукуни, то пусть делает это неофициально, как частное лицо или в другой день. Есть и такие, кто считает, что, отказавшись от посещения Ясукуни, японское руководство уступит Китаю, чего делать нельзя в принципе. Следует заметить, что у значительной части японского общества существует неприязненные позиции Китая (по крайней мере, в этом вопросе), пытающегося оказать давление на внутреннюю

политику Японии, с чем последняя не может примириться. Сам премьер Коидзуми на вопрос, чем он оправдывает свои визиты, ответил так: «Ненавижу само преступление, а не персоналии» [10, с. 32]. Необходимо также отметить, что император Хирохито (отец нынешнего императора) ежегодно посещал храм 15 августа, но после канонизации военных преступников прекратил посещения, а его сын — император Акихито, взойдя на престол, также перестал посещать Ясукуни. Вместо этого императорская чета участвует в поминальной церемонии 15 августа в другом месте.

В Японии немало сторонников воздвижения нового национального, «чистого» мемориала, проект обсуждается на высоком уровне, но будет ли он реализован — вопрос будущего.

Тема посещения храма Ясукуни весьма резонансна, его название нет-нет да и мелькнет в мировых новостях. Однако в связи с этим знаковым религиозным учреждением практически не упоминается другое заведение — военно-исторический музей, находящийся совсем рядом с храмом. В отличие от духовно-спиритического воздействия храма музей дает конкретный заряд милитаризма и национального шовинизма Японии 1930-х гг., создает ощущение правоты и обоснованности войны в Азии. Посетив такой музей, японский школьник выйдет убежденным, что Япония победила в той войне.

Итак, нельзя не признать, что претензии китайской стороны обоснованы, разумны и понятны с человеческой точки зрения. Вместе с тем, невозможно исключить определенные политические нюансы в позиции КНР по этой проблеме. С начала премьерства Коидзуми и возобновления посещения храма с 2001 г. особенно непримиримую и жесткую позицию по данному вопросу Пекин занял в 2005 г. — 60-м юбилейном году победы над фашистской Германией и милитаристской Японией. Можно усмотреть в этом политическую кампанию по достижению нескольких целей. Во-первых, упрочение связей (насколько возможно в каждом отдельном случае) со странами-победительницами — Россией, США, Великобританией, Францией. Возможно, громкая реакция Пекина по историческому поводу должна подчеркнуть желание видеть Японию в Совете Безопасности ООН, куда Токио давно стремится. Во-вторых, не исключается, что кампания критики Токио направлена на отвлечение широких слоев китайского общества от проблем внутри страны. Это, в первую очередь, определенная угроза единоличному правлению компартии КНР в условиях укрепления среднего класса (скорее аполитичного, чем лояльного идеалам КПК), глобализации, объективного размывания в юных поколениях революционно-патриотических и национальных ценностей, подрыва престижа компартии со стороны коррумпированных партийных функционеров. Кроме того, существуют и экономические причины: растущий разрыв материального положения города и деревни, недовольство крестьян, а также другие проблемы, связанные с быстрым экономическим ростом страны. Для консолидации многонационального государства, для внутренней политической борьбы Пекину удобно иметь внешний объект для критики.

Еще одной проблемой из исторического «набора», влияющей на китайско-японские отношения, является все еще актуальный вопрос ответственности Японии перед Китаем за агрессию 1937—1945 гг. Когда речь заходит об ответственности за войну, японская сторона вопрошает в недоумении: «Сколько еще раз Япония должна извиниться?» Однако Китай критикует Японию за то, что свои извинения Токио приносит в виде устных заявлений или в кулуарных беседах, а не в форме дипломатических документов. Например, последний раз Токио извинялся в апреле 2005 г. на Азиатско-Африканском саммите в Джакарте, где японский премьер Коидзуми заявил, что Япония по-прежнему испытывает чувство жгучего стыда за агрессию и колониальное правление в Азии приносит искренние извинения народам Азии и что «эти чувства народ Японии обречен навсегда носить в своем сердце» [11, с. 5]. Не удивительно, что на фоне ситуации с посещением Ясукуни и японскими учебниками истории у Пекина имеет еще больше оснований критиковать Токио.

Этот вопрос осложняется еще одним обстоятельством. В 1972 г., когда Пекин и Токио нормализовали двусторонние отношения, высшее руководство КНР ради будущего китайско-японских отношений признало, что ответственность за войну лежит на японской военно-политической верхушке. Япония согласилась с этой формулировкой, и в совместном коммюнике было зафиксировано, что японская сторона полностью признает ответственность за серьезный ущерб, нанесенный Японией китайскому народу и глубоко сожалеет об этом. Вполне вероятно, что это был дальновидный ход китайского руководства, в частности Мао Дзэдуна и Чжоу Эньлая. Формально отказавшись от японских репараций, Пекин выиграл в конечном счете и в политике, и в экономике. В политике это выразилось в том, что своими действиями Пекин в определенной степени способствовал разрыву Токио с Тайванем и признанию Японией материкового Китая легитимным субъектом международного права.

Экономическая же выгода состояла в том, что дети, внуки и правнуки тех, кто разрушал Китай, по-японски добросовестно оказывали помощь в его возрождении. Трудно оспорить тезис, что в становлении китайской экономики, интегрированной сейчас в мировое хозяйство, очень важную роль сыграла японская экономическая помощь, которая начала оказываться с 1978 г. — после заключения китайско-японского договора о мире и сотрудничестве. Японская сторона, парируя недовольство, исходящее из всех слоев китайского общества (суть которого: Япония должник Китая), напоминает, что без создания необходимой инфраструктуры в экономике Китая к началу 1980-х гг. освоение последующих инвестиций было бы невозможным. Основу этой инфраструктуры заложила Япония. С 1979 по 2001 г. Япония предоставила низкопроцентные кредиты (0,79—3,50 % годовых) в объеме 3 млрд дол. США (с рассрочкой по оплате до 40 лет), передала Китаю 1,4 млрд дол. США в качестве безвозмездной помощи [4, с. 199]. Необходимо отметить, что Япония инвестировала в Китай нечто большее, чем просто финансовые сред-

ства, — японские технологии, японскую концепцию научно-технической базы промышленности, высочайшую культуру производства. При техническом содействии Японии были созданы или реконструированы многие отрасли промышленности (автомобиле- и станкостроение), наукоемкие виды производств, оборудование для энергетического комплекса. До немыслимого уровня для прежнего Китая была развита транспортно-коммуникационная сфера. К слову сказать, Япония выплачивала репарации Бирме, Вьетнаму, Филиппинам, Индонезии. Из них только Филиппины и Индонезия являются странами с рыночной экономикой. Их экономическое положение гораздо лучше, чем Вьетнама и Бирмы. Однако едва ли за счет репараций, а по причине вовлеченности в сферу интересов США и Японии и благодаря японскому экономическому содействию в рамках программы «официальная помощь развитию» (ODA). Китай упрекает Японию за постепенное снижение японских инвестиций. Действительно, с 1991 г. доля японских инвестиций в китайскую экономику (от общего объема иностранных инвестиций) начала снижаться. Например, в 1993 г. она составила всего 4 %, четвертое место после Гонконга, Тайваня и США [4, с. 213]. Причина в том, что, с одной стороны, развитые западные и некоторые крупные региональные страны наконец-то оценили инвестиционную привлекательность Китая и в 1994 г. инвестировали в 7 раз больше, а в 2002 г. — в 11 раз больше, чем в 1991 г. [1, с. 37]. В сфере инвестиций в Китай, судя по всему, Япония ни с кем не соревнуется. С другой стороны, можно с уверенностью предположить, что здесь не обошлось без политики. Еще в самом начале экономическо-

го содействия Китаю в Японии неоднозначно воспринималась помощь коммунистической стране с ядерным потенциалом. После пекинских событий 1989 г. и по мере прояснения направления развития Китая противников помощи стало еще больше. Япония пересмотрела критерии и условия оказания помощи другим странам. В Токио считают, что КНР во многом не соответствует этим требованиям. В Пекине сокращение объемов японского экономического содействия расценили как наступление «похолодания» в двусторонних отношениях [15, с. 85].

В то же время Япония несколько раз приносила извинения за агрессию 1937 г. на самом высоком уровне: в 1972 г. — при заключении дипломатических отношений, в 1978 г. — при подписании китайско-японского договора о дружбе и сотрудничестве, в 1995 г. — при принятии официального решения премьер-министра Мураями по случаю 50-летия окончания Второй мировой войны, в 1998 г. — в китайско-японской совместной декларации, в 2005 г. — на Азиатско-Африканском саммите в Индонезии премьером Коидзуми. Китайская сторона официально принимала эти извинения. Но всякий раз данная проблема возникает снова и снова.

Таким образом, исторический вопрос в проблематике китайско-японских отношений, хотя и существует в значительной мере самостоятельно (т. е. как реальное историческое прошлое и его различные интерпретации), благодаря усилиям национальных элит еще долгое время будет тесно увязываться с политическими и экономическими аспектами двусторонних отношений и использоваться (при необходимости — обостряться) для достижения геополитических целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван, М. Экономика Китая. Пекин: Интерконтинент. изд-во Китая, 2003.
2. Эйбус, Х. Т. История Японии с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1968.
3. Hata, I. The Nanking Atrocities: Fact and Fable // Japan Echo. 1998. Aug.
4. Ikeda, M. Sekai-no Naka-no Nitchu Kankei. Tokyo: Horitsu Bunkasha, 1998 (на яп. яз.).
5. Irie, Y. The History of the Textbook Controversy // Japan Echo. 1997. Aug.
6. Kanji, N. Rekishi Kyokasho Daisenso // Bungei Shinju. 1997. Feb. (на яп. яз.).
7. Kawachi, T. A New Angle on War Crimes // Japan Echo. 1998. Oct.
8. Kawashima, S. The History Factor in Sino-Japanese Ties // Japan Echo. 2003. June.
9. Ma, L. New Thinking on Sino-Japanese Relations // Zhanlue yu Guanli. 2002. Dec. (на кит. яз.).
10. Matsumoto, K. A-kyu Senpan Goshi-ga Sainen-saseta Senso Sekinin Mondai-o Kensho-suru // Chuo Koron. 2005. Aug. (на яп. яз.).
11. Nobukatsu, F. Rewriting Japanese History // Sankei Shinbun. 1996. 28 Jun.
12. Otani, S. War Crimes in East Asia // Mainichi Shinbun. 1993. 4 Aug.
13. Sakamoto, K. War Responsibility and Yasukuni Shrine // Japan Echo. 2005. Oct.
14. Sono, A. I will Visit Yasukuni // Japan Echo. 2005. Dec.
15. Sugida, T. O-o Hiku Shusho-no Yasukuni Sanpai mondai // Jiji Nyusu Wado. Tokyo: Jiji Tsushinsha, 2005 (на яп. яз.).
16. Yasukuni // Encyclopedia of Japan. Tokyo: Kodansha, 1998. P. 1742.

«История китайско-японских отношений в конце XIX — второй половине XX вв. как препятствие двустороннему политическому диалогу» (Виталий Толстой)

Противостояние Китая и Японии с конца XIX в. по окончание Второй мировой войны — исключительно трагический период в истории китайско-японских отношений, прежде всего для Китая, который в ходе войн с Японией терял территории, терпел поражения и испытывал национальный позор. Спустя более 60 лет генетическая память обоих народов, казалось бы, неминуемо должна смягчиться, постепенно потеряв накал взаимного ожесточения. Однако все новые и новые поколения в обеих странах вовлекаются в замкнутый круг предубеждения, взаимного недоверия, а порой и ненависти.

Не прекращаются взаимные упреки и обвинения Пекина и Токио в искажении исторических событий и фактов. Официальный Пекин и китайская общественность негодуют по поводу практики посещения японским премьер-министром токийского храма Ясукуни, с некоторых пор пользующегося одиозной известностью, а у Токио всегда находятся свои аргументы. Китай требует от Японии официальных извинений за японскую агрессию 1937—1945 гг., а Япония утверждает, что «вопрос уже закрыт».

Таким образом, груз исторического прошлого не позволяет налаживать двусторонний диалог по урегулированию спорных вопросов, прежде всего — в сфере политики.

«The History of Sino-Japanese Relations at the End of 19th Century – the Second Half of the 20th Century as a Barrier for the Bilateral Political Dialogue» (Vitaly Tolstoy)

Sino-Japanese contention from the end of the XIX century till the end of World War II is a very tragic period in the history of Sino-Japanese relations, especially so for China, as it lost much of its territories and time and again suffered defeats and humiliation while resisting Japanese offenses. After more than 60 years have passed the genetic memory of both peoples is expected to have softened and reciprocal bitterness to have relaxed. But again and again new generations in both countries are being involved in the vicious circle of prejudices, suspicion and hate.

Beijing and Tokyo go on accusing each other of distorting history (the controversy of history textbooks). Beijing is indignant with Tokyo about the official practice of Yasukuni shrine visits. China demands from Japan an official apology for the aggression of 1937–1945 while Japan insists that the apology has been made already.

Thus, the heavy burden of the historical past hinders the Sino-Japanese dialogue on settling unsolved issues, especially the ones of political nature.